

Чайковский П.И.
(конкурс)

Новый Агасфер

Сегодня. - 1999.
- Бюж. - С.15.

Двухдневный концерт лауреатов конкурса им. Чайковского

Юлия Бедерова

К

онкурс скособочился, скрючился, спал с лица и сошел на нет. Часть заготовленных слонов все-таки распределена. И прощай, все кончено меж нами. То была не любовь. Двоящийся смысл происходящего — соревновательный азарт и попытка одного большого взгляда на мелкие частности стандартов академического исполнительства — отпал сухой корой. Итог борьбы за результативность остался беззащитен и несовершенно. Лауреатский концерт, показательные выступления чемпионов — тест на возможность существования вне контекста состязания. Тут-то и должно проявиться без помех искусство. Как бы ни противоречил этот термин процессу тщательного и многотрудного выписывания иконического штампа по канону. Важное за кулисами конкурса на сцене не имеет ни малейшего смысла. Звучит лишь то, что музыкант может сказать публике. Лично. Обычные правила игры обычного концерта. Где есть обычная музыка, сделанная талантливо, бездарно или никак. И то, и другое, и третье — обычно. Вот и он — долгожданный результат конкурса. Вынут да положен на блюдечко с золотой каемочкой из речей, регалий, вежливо улыбающихся или каменных лиц. Но на этот раз — только сухая, безвкусная мякоть конкурсного фрукта, из которого выжать все соки и бодрящие витамины: азарт, мечты, сплетни и скандалы. То, что должно быть прямо-таки преисполнено смыслом, вдруг выходит совершенной бессмыслицей. Окончательной и в то же время развернутой в бесконечность предстоящего концертного пространства.

День первый. Победители. Что-бы хоть немного затушевать скандал с виолончельным конкурсом, дали позвучать и этому сильно пострадавшему инструменту. Один немножко победитель здесь все же был. Спецпремию за лучшее исполнение Чайковского (всего им написано только два произведения для виолончели, так что канон предельно разработан) получила китайка Ни Хай Е. Приятная, чувствующая музыку девушка с мягким звуком и вполне приемлемой техникой. Ее награда — не за

свежесть, оригинальность или глубину трактовки, а за увлеченность мелодией. Красивой и понятной, доброй и простой.

Различные оттенки упрощенности и доходчивости, не затрагивающие глубоко залегающих смысловых руд, отличали и других победителей. Трудно представить более доходчивую и примитивную музыкальность, чем та, что свойственна скрипачке Анастасии Чеботаревой. Концерт Брамса, самую неспортивную на свете музыку, она исполнила как силовая теннисистка, абсолютно равнодушная к погоде, непрошибаемая и чуждая психологических тонкостей. Возможно, такая стойкость и может восприниматься как своеобразный артистизм, но с большим трудом и при большой к тому охоте. Другая обладательница второй премии, Дженифер Кох, которая могла бы чуть усложнить происходящее, придать ему объем и творческую интонацию, уехала домой в Америку.

Парад победителей закрывал пианист Николай Луганский. Масштабно и динамично. Символом веры — Первым концертом Чайковского. Оркестр привычно фальшивил духовыми, дребезжал струнными, дирижер по привычке дирижировал. Пианист выглядел и звучал чуть раскованнее, чем на конкурсе. А жаль: раскованность открывает высказывание до доньшка, и видно, что в колоде пусто. Лишь филигранные, доведенные до совершенства штампы каждой интонации. Многозначительное ничегонеговорение. Приз Эрнста Неизвестного «За исповедальность тона и новое в интерпретации русской музыки» опущен именно в этот на вид бездонный колодец. Из которого единственное что можно извлечь — это тему народной песни из третьей части концерта, трактованную пианистом, будто красноречивым ансамблем. Архаический прообраз теряется в грохоте (чтобы его обнаружить и высветить, уже нужно постараться, но этого так никто и не осилил). Простота, эффектность и доходчивость. Взять то, что лежит на поверхности, и сделать первое, что приходит на ум. Всем. Понятное сразу и без усилий.

День второй. Те, кто был близок к победе. Все просто: выходит музыкант на сцену, и что-то происходит. Если происходит. Если нет, остается разбираться в различных оттенках простоты и доступности.

С оттенком благородства играл скрипач Марко Рицци (третья премия). Простое не банально, не пусто, а точно осмыслено. Приятно слушать.

Нечто невнятное, предельно упрощенное, плоское и узкое вошло из Вариаций на темы Бизе в исполнении тоже третьего Графа Муржи. Бледная (ах, если бы как мел!) Кармен, припоминающая бурную молодость. Доступно, как любые воспоминания о давно недоступном.

Прост до наивности был китайский пианист У Зон (четвертая премия, почему-то единственная, представленная на отчетном концерте). Одинаково звучно и плавно он исполнил и Дебюсси, и Скрябина, и Шопена, и Чайковского. Не различая и не усложняя.

Доступен до почти дурного вкуса Вадим Руденко (фортепиано, третья премия). Его органичный пианизм (сама природа бегает по клавишам с нечеловеческой скоростью!) и равнодушие заставляют воспринимать происходящее как аттракцион: захватывает и все недоходчивое выдувает из головы.

И только Хэй Сун Пэк (фортепиано, третья премия) оказалась непростой штучкой. Поразительно резко, ярко, жестко она играла Вальс Равеля. О предчувствии Катастрофы, крушения европейской цивилизации, возникновения из порхающих звуков Вальса. Так у Равеля. И еще определенной — у самурайки-корейки Хэй Сун Пэк. Без европейской зачарованности эстетикой гибели. Только действие, мысль и напряжение. Здесь понятие доходчивости уже не актуально.

Напоследок вопрос: оставив за отметкой «финал» некоторых интересных музыкантов, а в итоге не присудив первых премий, как и что, собственно, судил конкурс? Соответствие некоему идеалу музыкальности, до которого, безусловно, никто не дотягивает? Но к чему тогда вообще концерт лауреатов? Может, жюри из бывших лауреатов не видит себе подобных? Так или иначе, бывший памятник самому себе никогда не станет обычным предприятием по выяснению — кто лучше, кто хуже.

Магических слов «Х Международный конкурс Чайковского объявляю закрытым» никто в итоге так и не сказал. Так что если случайно натолкнетесь на бесприютно блуждающий призрак, не пугайтесь. Все просто: это он, десятый юбилейный. Ни живой, ни мертвый: какой-то потерянный.